

Максимилиан Александрович Волошин

Гр. Ал. Ник. Толстой.

«Сорочьи сказки»

Максимилиан Александрович Волошин
Гр. Ал. Ник. Толстой.
«Сорочьи сказки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22832491

Аннотация

«Прописная мораль учит, что порядочные женщины должны держать себя так, чтобы о них ничего «нельзя было сказать». Трюизм этот более удачно можно применить к произведениям искусства. Что касается живописи – это бесспорно. То, что есть истинно живописного в картине – не поддается никаким словам и определениям. Говорить и писать о картинах можно лишь постольку, поскольку в них присутствуют литературные элементы...»

Максимилиан Волошин

Гр. Ал. Ник. Толстой.

«Сорочьи сказки»

Прописная мораль учит, что порядочные женщины должны держать себя так, чтобы о них ничего «нельзя было сказать». Трюизм этот более удачно можно применить к произведениям искусства. Что касается живописи – это бесспорно. То, что есть истинно живописного в картине – не поддается никаким словам и определениям. Говорить и писать о картинах можно лишь постольку, поскольку в них присутствуют литературные элементы. То, что картину можно рассказать словами, это еще не осуждение ей, но – доказательство, что в ней присутствуют посторонние чистой живописи замыслы и эффекты. Я думаю, что то же можно сказать и о произведениях чистой поэзии. О них тоже можно говорить, лишь постольку в них есть «литература». С настоящей книгой хочется уединиться в молчании, и в крайнем случае, для того, чтобы убедить в её ценности, прочесть несколько страниц вслух. Подлинная поэзия, как и подлинная живопись, как и подлинная женственная прелесть, не доступны словам и определениям, потому, что они сами по себе уже являются окончательными определениями сложных систем чувств и состояний.

Поэтому о «Сорочьих сказках» Алексея Толстого не хочется – трудно говорить. Н это самая большая похвала, которую можно сделать книге. Она так непосредственна, так подлинна, что ее не хочется пересказывать – ее хочется процитировать всю с начала и до конца. Эта одна из тех книг, которые будут много читаться, но о них не будут говорить.

Последние годы дали русской литературе прекрасных сказочников. Мы имели сказки Сологуба, сказки Ремизова, теперь сказки Толстого. Трудно отдать предпочтение какой-нибудь из этих книг перед другими. Внешние приметы стиля и языка в них схожи и свидетельствуют о единой литературной эпохе, но внутренние родники творчества глубоко различны.

Сказки Сологуба – это хитрые и умные притчи, облеченные в простые и ясные формы великолепного языка. Их стиль четок и ароматен, их линии не сложны, но в глубине их замыслов кроется вся сложность иронии, нежность души переплетена в них с жестокостью, и в каждой строке расставлены западни и волчьи ямы для читателя. Это сказки не для детей. Но взрослый, вступивший в их мир, начинает себя чувствовать ребенком, запутавшимся в сложных сетях души их автора. Сказки Сологуба – как бы исторический мост между современным пониманием сказки и сказками Щедрина.

Сказки Ремизова еще больше отмечены личностью автора. Родник их фантастики – это игра в игрушки, это игра определенными вещами: зайцами, котами, медведями – де-

ревянными или из папье-маше, которые стоят на письменном столе Ремизова. От грубой, безобразной и тошной жизни, которая так не гармонично и жестоко разверзается в его реальных, бытовых и автобиографических романах и рассказах, он запирается в своей комнате, уставленной детскими игрушками, и вносит в свои игры всю любовь, всю грусть и обиду своей души, и облекает ее во все драгоценности редких слов и во все свои громадные знания фольклора. Из этого создается мир и уютной, и беспокойной, и жуткой комнатной фантастики. Его звери и чудовища тем занятнее и страшнее, что в них всегда чувствуется мистическая плоть (хотя созданы они из папье-маше), а природа у Ремизова является в тех сгущенных и чересчур ярких красках, какие она приобретает, когда думаешь об ней, сидя в комнате.

В сказках Алексея Толстого нет ни умной иронии Сологуба, ни сиротливой, украшенной самоцветными камнями, грусти Ремизова. Их отличительная черта – непосредственность, веселая бессознательность, полная иррациональность всех событий. Любая будет понятна ребенку и заморозит взрослого. Н это потому, что они написаны не от ущерба человеческой души, а от избытка её. Действуют в них и звери, и мужики, и вещи, и дети, и стихийные духи – и все на равных правах, и все проникнуты старой, глубокой, врожденной земляной культурой. В них пахнет полевым ветром и сырой землей, и звери говорят на своих языках, все в них весело, нелепо и сильно; как в настоящей звериной игре, все про-

никнуто здоровым звериным юмором.

Он умеет так рассказать про кота, про сову, про мышь, про петуха, что нехитрый рассказ в несколько строк может захватить и заставить смеяться, а для этого нужен очень здоровый, а главное подлинный талант.

Безусловная подлинность составляет главную прелесть «Сорочьих сказок».